

Автореферат книги «Фрейд в Выготском. Бессознательное и язык»*

Александр Гонзалес

Психотерапевт, профессор Национального университета Буэнос-Айреса, судебный психолог в суде по семейным делам г. Ломас де Самора, Буэнос-Айрес, директор Академии Выготского в Аргентине

Эта книга пытается продемонстрировать, что принципы внутренней речи могут объяснить феномен бессознательного. Основываясь на работах Л.С. Выготского и З. Фрейда, автор предполагает, что в оба явления вовлечены язык, мотивация и эмоциональные переживания. Они являются двумя способами познания. Это позволяет использовать социо-исторический подход к изучению бессознательного. Выдвигается также новая гипотеза о функционировании значения.

Ключевые слова: Л.С. Выготский, З. Фрейд, А.Н. Леонтьев, внутренняя речь, бессознательное, личностный смысл, значение.

Судьба тишины

Мы начнем наше исследование с выяснения значения тех психических образований, которые не достигают своего полного сознательного выражения. За отправную точку мы возьмем исследования Л.С. Выготского, обратившись к его мыслям, выраженным в последней, седьмой, главе кульминационной работы «Мышление и речь».

В качестве эпиграфа великий русский психолог выбрал фрагмент стихотворения О.Э. Мандельштама**:

Я слово позабыл, что я хотел сказать,

И мысль бесплотная в чертог теней вернется. (I)

Этот поэтический фрагмент отражает взгляды Л.С. Выготского на судьбу того содержания, которое на пути в сознание не находит своего вербального выражения. Об этом он также пишет в конце главы: «Слово, лишенное мысли, есть прежде всего мертвое слово. (...) Но и мысль, не воплотившаяся в слове, остается стигийской тенью...»*** (II). Мир теней, в противоположность освещенной территории сознания, служит конечным назначением таких психических образований.

Эта печальная территория, последнее пристанище голых или, по крайней мере, недоработанных мыслей не могла быть изучена блестящим российским психологом, однако в его исследованиях мы находим ключ к ее сущности.

Прогулка к теням

В упомянутой заключительной главе Выготский говорит нам, что его анализ следовал за процессом от

наиболее удаленного (внешнего) плана к самому внутреннему плану, и этот путь является противоположным реальному ходу развития вербальной мысли. Однако истинная последовательность была бы следующей: «от мотива, порождающего какую-либо мысль, к оформлению самой мысли, к опосредованию ее во внутреннем слове, затем — в значениях внешних слов и, наконец, в словах»**** (III).

Здесь автор предупреждает нас, что это развитие может остановиться в любой точке, и что существует великое множество путей (включая прямые и обратные движения. — Б.М.), которое едва ли можно исчислить. Чтобы достичь нашей цели, мы предположим, что процесс действительно прерывается в точке, которую мы локализуем на этапе внутренней речи. Относительно нашего исследования этот момент обладает тем преимуществом, что он находится достаточно близко к мотиву***** и в то же время может стать предметом экспериментального наблюдения.

Мысль, задержанная в этой точке своего пути, обрела бы характеристиками внутренней речи. Выготский указал на несколько странных ее качеств:

1) она имеет резко сокращенный характер, ее предложения отличаются неполной структурой. Исчезает подлежащее и связанные с ним слова. Речь принимает чисто предикативный характер. Семантический план занимает центр сцены;

2) вторая особенность мысли состоит в том, что смысл преобладает над значением. Мы должны помнить, что смысл понимается как включение в контекст, как множество психологических событий, которые вызывает слово. В данном случае, когда

* Перевод с английского Е.М. Виноградовой и Б.Г. Мещерякова. Постраничные примечания Б.Г. Мещерякова.

** Ср. *Выготский Л.С. Мышление и речь* // Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. Т. 2. М., 1982. С. 295.

*** Там же, с. 360.

**** Там же, с. 358.

***** Следует отметить, что в этом контексте термин «мотив» употребляется в широком смысле, практически синонимично с «мотивацией», «побуждением» и т. д. (т. е. не так, как в деятельностном подходе А.Н. Леонтьева, который будет рассматриваться дальше).

речь идет о внутреннем плане, контекст — это то психологическое окружение, в котором именно эмоционально-мотивационный аспект выполняет центральную функцию в формировании смысла. Однако мы до сих пор не обозначили обязательный признак наличия сознания. Как пишет А.Н. Леонтьев, сознание характеризуется отделенностью отражения предметной действительности от наличных отношений к ней субъекта, и именно этот разрыв, по его мнению, является характерным признаком сознательного отражения (IV). В силу присущей ему способности замещать действительность (благодаря языку) человек может изменять эту замещенную действительность таким образом, чтобы она «адаптировалась» к удовлетворению его потребностей (люди гораздо чаще мечтают о победах, нежели о поражениях);

3) **агглютинация** (склеивание) **слов**, т. е. способ их объединения, довольно часто встречающийся в одних языках и сравнительно редкий в других.

«Все эти языки соединяют большое число слов, означающих простые понятия, в одно слово, которым не только выражают весьма сложные понятия, но обозначают и все частные представления, содержащиеся в понятии... <Нечто аналогичное наблюдали мы и в эгоцентрической речи.> По мере приближения этой формы речи к внутренней речи агглютинация как способ образования единых сложных слов для выражения сложных понятий выступала все чаще и чаще»*. Без натяжки, мы можем сказать, что язык имеет тенденцию к уплотнению, сгущению (конденсации);

4) **влияние смысла**: «Мы назвали тот своеобразный способ объединения слов, который наблюдали в эгоцентрической речи, **вливанием** смысла, понимая это слово одновременно в его первоначальном буквальном значении (вливание) и в его переносном, общепринятом сейчас значении. Смыслы как бы вливаются друг в друга и как бы влияют друг на друга, так что предшествующие как бы содержатся в последующем или его модифицируют»**.

Суммируем характеристики внутренней речи, обнаруженные Л.С. Выготским:

сильная сокращенность, язык сжат, можно сказать — **уплотнен**;

преобладание смысла; мотивация и сопутствующие эмоции являются решающим компонентом контекста. Давление реальности на мотивы и желания не достигает всей своей силы;

агглютинация (склеивание) смысла: смыслы объединяются и конденсируются в новом слове, которое их содержит;

влияние смысла: смыслы текут от одного слова к другому, двигаются между слов.

Таким предстает перед нами мир теней. Любая мысль, которая останавливается здесь в своем движении к свету сознания, содержит сжатые термины и

смыслы, которые вытесняются и диктуют свои законы отражения реальности.

Это описание имеет удивительное сходство с характеристиками бессознательного, обнаруженными З. Фрейдом.

Бессознательные формы

В «Очерке психоанализа» — посмертно опубликованной работе, написанной З. Фрейдом в последние месяцы жизни (в Англии), — отец психоанализа описывает характерные свойства бессознательного.

В этом описании он использует термин «первичный процесс», противопоставляя его «вторичному процессу» (который относится к сознательной сфере, включая и подсознательное). Там он пишет:

«Законы бессознательных процессов ... очень необычны, но они достаточно объясняют почти все, что мы находим столь загадочным в сновидениях. Прежде всего, среди них необходимо упомянуть замечательную тенденцию к **сгущению, уплотнению, тенденцию к формированию новых единиц** из элементов, которые мы рассматривали бы отдельно в состоянии бодрствования (выделено мной. — А.Г.). Следовательно, часто единственный элемент явного сновидения репрезентирует полный ряд скрытых идей сновидения, как будто он является общим намеком (аллюзией) на них, и в целом явное сновидение является сильным сокращением по сравнению с богатым материалом этого сновидения (V)... Другая особенность работы сновидений, не совсем независимая от предыдущей, состоит в легкости **смещения** психических акцентов (нагрузок) с одного элемента на другой».

Затем он добавил еще одно качество, которым должны обладать единицы бессознательного: «... Тенденции с противоположными целями одновременно и совместно существуют в бессознательном, без необходимости их примирения... Некоторые лингвисты считают, что примерно то же самое встречается в самых древних языках, и что в них антиномии типа сильный-слабый, светлый-темный, высокий-низкий, выразились одним и тем же корнем... Даже в столь развитом языке, как латинский, все еще сохраняются остатки этого двойного примитивного значения, как, например, в случае *altus* (высокий и низкий, как характеристики голоса) и *sacer* (священный и нечестивый)»***.

Последнее утверждение З. Фрейда вызывает в нашей памяти соответствующую цитату из работы Л.С. Выготского: «Благодаря комплексному характеру детского мышления возникает его особенность, когда одни и те же слова в различной ситуации могут иметь различное значение, т. е. указывать на различные предметы, причем в исключительных, особо интересных для нас случаях одно и то же слово у ребенка может объединять в себе противоположные значе-

* Выготский Л.С. Мышление и речь // Выготский Л.С. Собр. соч. Т. 2. М., 1982. С. 348, 349.

** Там же, с. 349.

*** Ср.: Фрейд З. Введение в психоанализ: Лекции. М., 1989. Лекция 11, с. 111, 112, а также Лекция 31, с. 345.

ния, если только они соотнесены друг с другом так, как соотносятся друг с другом нож и вилка... <Мы встречаем здесь> полную аналогию к тому давно отмеченному исследователями факту, что и в древних языках — еврейском, китайском и латинском — одно и то же слово соединяло в себе два противоположных значения. Так, римляне одним и тем же словом обозначали “высокий” и “глубокий”. Это сочетание противоположных значений в одном слове становится возможным только на основе комплексного мышления...»* (VI). Следовательно, сосуществование противоположностей — еще одна характеристика ранних стадий, предшествующих понятийному мышлению в его полном развитии. И хотя она не включается в особенности внутренней речи, это — качество мышления, в котором еще не раскрылись во всей своей мощи экстраординарные силы языка.

Возвратимся к З. Фрейду, который в своей книге «Метапсихология» (глава V «Специальные качества системы бессознательного») свел вместе эти характеристики: «Суммируя, мы скажем, что признаки, которые надеемся найти в процессах, принадлежащих системе бессознательного, суть следующие — отсутствие противоречия, первичный процесс (подвижность заряда), независимость от времени и замещение внешней реальности посредством психической». Следует пояснить, что этими словами З. Фрейд описывал результаты эмпирического наблюдения, согласно которому человек в фантазиях осуществляет выполнение желаний, весьма далеких от реального выполнения или вообще практически невозможных. Мы хотим сказать, что на этом уровне желание моделирует репрезентацию действительности, подталкивая нас к последующим действиям. Поэтому человек может чувствовать острую вину из-за своих фантазий, связанных с представлением реализации запретного желания, и, как следствие этого, будет ис-

пытывать сильное торможение или конверсионные симптомы истерии. Кроме того, в своих отношениях с окружающими мы можем действовать на основе моделей поведения, усвоенных на прошлых стадиях жизни, если они совпадают с настоящим по вторичным, хотя и релевантным, факторам. Например, наделив отеческими качествами вышестоящего по иерархической лестнице, человек ожидает с его стороны заботы, не осознавая вероятного противоречия интересов в таких отношениях.

В этом отношении очень показательным то, что А.Н. Леонтьев связывает личностный смысл с мотивом или потребностью, устанавливая тем самым непосредственную взаимосвязь первого с мотивационной сферой. «Если внешняя чувственность связывает в сознании субъекта значения с реальностью объективного мира, то личностный смысл связывает их с реальностью самой его жизни в этом мире, с его мотивами»**. Там же он добавляет: «Воплощение смысла в значениях — это глубоко интимный, психологически содержательный, отнюдь не автоматический и одномоментно происходящий процесс. В творениях художественной литературы, в практике морального и политического воспитания этот процесс выступает во всей своей полноте. Научная психология знает этот процесс только в его частных выражениях: в явлениях “рационализации” людьми их действительных побуждений, в переживании муки перехода от мысли к слову (“Я слово позабыл, что я хотел сказать, и мысль бесплотная в чертог теней вернется”, — цитирует поэта*** Л.С. Выготский)»****.

Некоторый порядок

Итоги проведенного сопоставления двух групп характеристик можно представить в виде таблицы эквивалентностей.

Таблица

Внутренняя речь	Первичный процесс
Резкая сокращенность. Агглютинация слов , объединение нескольких слов в новое.	Сгущение: тенденция к созданию новых единиц из разных элементов.
Влияние смысла: смыслы переходят от слова к слову, они влияют друг на друга.	Смещение: сдвиг психического заряда с одного элемента на другой.
Преобладание смысла. Цель вполне поддается влиянию мотива.	Преобладание принципа удовольствия над принципом реальности. Цель приспособляется к выполнению желания. Является особым случаем преобладания смысла.
Строго говоря, это не качество внутренней речи, но, как показывает приведенный пример противоположных значений , это результат комплексного мышления. Без опосредствования нет принципа противоречия.	Отсутствие противоречия. См. вышеупомянутый пример З. Фрейда из области древних языков.

* *Выготский Л.С.* Мышление и речь // Выготский Л.С. Собр. соч. Т. 2. М., 1982. С. 158.

** *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975. С. 153.

*** Хотя здесь используется русское издание книги А.Н. Леонтьева, но слово «поэт» приводится в соответствии с текстом А. Гонзалеса, который оказался точнее оригинала, поскольку у А.Н. Леонтьева эти строки О. Мандельштама ошибочно приписаны Ф. Тютчеву.

**** Там же, с. 154.

По ту сторону формального порядка

Эти формальные совпадения, хотя и являются неожиданным открытием, еще не могут служить достаточным свидетельством близких отношений обоих процессов. Поэтому мы продолжим исследование с целью найти новые факты, которые поддерживали бы нашу гипотезу.

Мы обнаруживаем, что оба процесса также глубоко связаны по своей функции. Очевидно, внутренняя речь — это первый шаг на пути мотивации, или потребности, к тому, чтобы покинуть мир теней и переродиться в свое сознательное выражение; бессознательные процессы образуют первые психические репрезентации желаний, являясь их первым проявлением.

Вместе с тем на той стадии развития, на которой мы предложили остановить процесс, описанный Л.С. Выготским, некоторое содержание еще совершенно недостаточно воплощено в языке, чтобы стать сознательным. Для того чтобы психический процесс стал полностью сознательным, язык должен проявить всю свою упорядочивающую силу.

Согласно психоанализу, этот фактор определяет доступ в сознание психического содержания. В своей книге «Я и Оно», посвященной новому теоретическому пути, З. Фрейд очень ясно писал об этом:

«В другом месте я уже высказал предположение, что действительное различие между бессознательной и предсознательной репрезентацией (мысль) заключается в том, что материал первой остается скрытым, в то время как материал второй соединяется с вербальными репрезентациями. Этим мы впервые делаем попытку указать характерные свойства систем предсознательного и бессознательного, отличающиеся от их отношения к сознанию. Таким образом, вопрос о том, как что-то делается осознанным, заменяется вопросом о том, как что-то становится предсознательным? И ответ состоит в том, что это происходит благодаря связи с соответствующими вербальными репрезентациями»*.

Можно было бы сказать, что психоаналитик также поддержал стихи О. Мандельштама.

Однако эти совпадения не должны породить у нас энтузиазм такой силы, который бы помешал признать, что З. Фрейд игнорировал истинные отношения между языком и сознанием. Здесь кроется наиболее важная причина больших несогласованностей в его теории по этому вопросу. Точно так же, как и психология его времени, венский врач считал отношения слова с мыслью неизменными. Как только эта связь возникает, она должна конвертировать в сознательное всякое психическое явление. Только по исключительным причинам слово и мысль могут избежать такой участи.

Эта концепция представлена в следующем отрывке из «Введения в психоанализ» (1916—1917): «В два года ребенок может хорошо говорить, скоро

он обнаруживает, что разбирается в сложных душевных ситуациях, и сам высказывает такие суждения, которые многие годы спустя ему пересказывают, так как сам он их забыл. И при этом память в ранние годы более продуктивна, потому что загружена меньше, чем в более поздние годы. Нет также никакого основания считать функцию памяти особенно высокой и трудной деятельностью души; напротив, хорошую память можно встретить у лиц, стоящих на очень низкой ступени интеллектуального развития»**. Тем из нас, кто привержен теории Выготского, не нужно объяснять ошибки данного высказывания Фрейда. Однако это положение не только раскрывает взгляды Фрейда на сознание, но и содержит намек на возможную плодотворность применения социоисторических идей для понимания бессознательного и его отношений с сознанием.

Генетическое объяснение процессов бессознательного

После проверки идеи о глубоких отношениях между процессами формирования словесного мышления и явлениями бессознательного попытаемся решить вопрос о происхождении их особенностей. Мы видели, что в основании обоих процессов представлена смесь из следующих элементов: с одной стороны, желание, эмоция и мотивация с неопределенной направленностью (с неразборчивым адресом), с другой — язык, мир слов как средств разрешения от напряженности, которая появляется вместе с мотивацией.

Во внутренней речи слово еще не способно воздействовать на мысль всей организующей мощью своей структуры, которая находится в процессе становления, развития. Мышление страдает отсутствием полного и завершенного воплощения в формах языка. Последний, в свою очередь, подпадает под влияние колебаний внутреннего мира.

Как известно из психолингвистики, в своих первых проявлениях язык имеет характеристики, отличные от тех, которые он приобретает в процессе онтогенетического развития. Так, дети будут обозначать одним словом ряд непохожих объектов, и референция слова будет изменяться в зависимости от конкретной ситуации, внутренней или внешней. На ранних стадиях детского развития слово имеет аморфную структуру и диффузное значение и изменяет свою референцию в зависимости от ситуации.

Для иллюстрации приведем пример А.Р. Лурии. В своей книге «Язык и сознание» он описывает этот феномен с помощью наблюдения и комментария одной из своих коллег: «Советский психолог Л.И. Божович (личное сообщение) сделала подобное же наблюдение. Маленький ребенок называл словом “кха”

* Ср.: Фрейд З. «Я» и «Оно». Труды разных лет. Кн. 1. Тбилиси, 1991. С. 358.

** Фрейд З. Введение в психоанализ: Лекции. М., 1989, Лекция 13, с. 125.

кошку (в соответствии с начальными звуками этого слова), и казалось бы, оно имеет прочную предметную отнесенность. Однако при внимательном наблюдении оказалось, что слово «кха» этот ребенок употребляет не только по отношению к кошке, но, например, по отношению к любому меху (близкому к меху кошки), по отношению к царапине, к острому камню (по связи с кошкой, которая его оцарапала) и т. д. Следовательно, на ранних этапах развития значение слова еще аморфно, оно не имеет устойчивой предметной отнесенности; оно очень диффузно и, обозначая лишь определенный признак, относится к разным предметам, которые имеют этот общий признак, и входят в соответствующую ситуацию»*. В этом примере мы находим уже известное сгущение (конденсацию), когда одно и то же слово имеет ряд несходных референций, сгруппированных на основе эмоциональной или перцептивной логики вместо логики качеств реальности. Таким способом ассоциирования ум группирует объекты с несходными характеристиками, причем отношения между этими объектами имеют случайный характер.

Не только предметная отнесенность слов подвержена эволюции, но и их значение также меняется в процессе развития ребенка. Это развитие А.Р. Лурия иллюстрирует значением слова «магазин»: «Безусловно, значение этого слова меняется по мере развития ребенка. На ранних этапах слово «магазин» обозначает какое-то место, откуда ему приносят приятный, хрустящий хлеб, конфету или пряник. Поэтому за словом «магазин» у ребенка кроются аффективные связи, и по сути говоря, это еще не объективное значение слова, это, скорее, аффективный смысл, который имеет в его жизни «магазин».

Для ребенка позднего дошкольного или раннего школьного возраста «магазин» означает уже конкретное место, куда ходят покупать продукты, куда иногда его посылают за покупками. Этот магазин находится на углу или через дорогу. Слово «магазин» лишается у него только аффективного значения, смысл постепенно становится дополнительным, подчиненным; ведущую роль приобретает наглядный образ конкретного магазина, определенная функция магазина; когда ребенку позднего дошкольного возраста в соответствующем контексте говорят слово «магазин», оно вызывает у него целую конкретную ситуацию магазина, где покупают вещи или продукты.

Совершенно другое значение имеет слово «магазин» для взрослого, например для экономиста. Предметная отнесенность остается прежней, но за словом «магазин» кроется уже целая система понятий, например экономическая система обмена, или формула «деньги — товар — деньги»... и т. д.»**.

Кроме того, значение развивается в направлении от эмоционального содержания к логико-рациональному. Очевидно, личностный смысл не исчезает, но

на продвинутой стадии развития сознания его структуру определяют понятия.

Вместе с тем с развитием языковых способностей отношение к объектам становится более устойчивым, потому что их опознание или «отражение» (если мне позволят использовать старую категорию, попавшую в немилость за ее неправильное использование) становится независимым от потребностей или эмоций воспринимающего субъекта. Потерпевший кораблекрушение начинает разбираться в бревне, которое спасло его от смерти, в его объективных качествах: он узнает, из какого материала оно сделано и даже какие функции выполняло на корабле. Это постоянство отнесенности (референции), ее независимость от ситуативных отношений позволяют человеку выделить среди всех прочих именно те качества бревна, которые помогают дольше продержаться на воде. Если только не случится так, что эмоции возьмут верх над способностью рационального контроля.

Наблюдаемый в чисто эмоциональном отражении процесс переноса (slide), приводящий к объединению непохожих объектов, расширяется и обогащается с включением в этот процесс языка, образуя общее пространство, в котором проявляются характеристики обоих типов познания мира и контроля над импульсами (побуждениями)***.

Таким образом, слово еще не используется для осуществления функции логической организации: двухлетний ребенок может называть объекты, однако характер их восприятия определяется эмоциональным переживанием; его память еще не организована логически. Поэтому воспоминания не могут быть вызваны посредством мышления, которое, как показал Л.С. Выготский, позднее перестраивает память. Воспоминания столь раннего возраста подчинены эмоциональному отражению.

Без поддержки письменности память взрослого подвержена множеству влияний — окружающей среды, смысла и эмоций. Об этом свидетельствуют огромные усилия, которые должны прилагать культуры, не имеющие письменности (oral), дабы оградить свою историю от индивидуальных изменений, подвергающих угрозе исчезновения их тайное сокровище (как это демонстрируют формализмы, обнаруженные Милманом Пэрри (VII) в текстах Одиссеи и Илиады: они использовались для предотвращения ненамеренных отклонений). Эти усилия являются попытками защитить трансмиссию от индивидуальной изменчивости (VIII). Социальное значение должно быть защищено от посягательств смысла.

Роль Тотема, показанная Леви-Стросом, дает нам другой пример важности внешних референций, которые позволяют организовать коллективную память и избежать рисков, связанных в уст-

* Лурия А.Р. Язык и сознание / Под ред. Е.Д. Хомской. М., 1979. С 58.

** Лурия А.Р. Язык и сознание / Под ред. Е.Д. Хомской. М., 1979, с. 61—62.

*** Необходимо признать, что наши попытки в переписке с автором уточнить смысл этого абзаца не привели к более понятной формулировке.

ных культурах с необходимостью передачи <информации> через индивидуумов, столь непостоянных в своей приверженности объективности воспоминания.

Даже в развитом сознании современного культурного человека, как отметил Л.С. Выготский, возможны зоны, в которых сосуществуют непонятные процессы с мышлением высшего уровня. В §14 главы V «Мышления и речи» он писал об этом: «В мышлении взрослого человека мы также наблюдаем на каждом шагу чрезвычайно интересное явление. Оно заключается в том, что, хотя мышлению взрослого человека доступно образование понятий и оперирование ими, тем не менее далеко не все оно заполнено этими операциями. (...) В мышлении взрослого человека мы на каждом шагу наблюдаем переход от мышления в понятиях к мышлению конкретному, комплексному, к мышлению переходному»*.

Бессознательное, согласно этой гипотезе, становится подтверждением (proof) сознательного эмоционального контроля, его постепенного развития. Сознание является специфической формой обработки содержания, для него характерно существенное разделение между отражением действительности и потребностью**.

С этой точки зрения, бессознательное — лишь побочный продукт зарождения сознания, следствие первичного (незавершенного) столкновения языка с мотивами и эмоциями. В бессознательном язык лишь проглядывает, но не проявляется во всей своей силе.

В точке пересечения несовершенного языка <субъекта> с простейшими психическими способностями образуется пространство, в котором обитает бессознательное. Здесь господствуют феномены непостоянства и переноса (замещения). Личностный смысл сохраняет направленность мысли, стремление, которое не находит средств для своего сознательного выражения, идет по пути намеков с использованием безграничных возможностей метафоры.

Тем не менее бессознательное является также и социальной конструкцией. Его содержание наряду с уникальными компонентами представляет собой продукт социального взаимодействия. В нем чаще всего проявляются моменты, касающиеся межличностных отношений и овладения собственными стремлениями. И первое, и второе так или иначе связано на семье.

Оказывая ребенку эмоциональную поддержку, семья (тот или иной близкий взрослый человек) создает пространство для возникновения бессознательного. В том случае, если правила поведения ребенка ясны, если между родителем и ребенком существует взаимопонимание, роль бессознательного в регуляции поведения невелика. Если же правила не-

стабильны и послушание зиждется на страхе, если часто возникает ситуация неопределенности и двусмысленности, то бессознательные процессы начинают активно регулировать поведение ребенка (IX).

Присущая человеку потребность в любви, в том числе и родительской, заставляет ребенка следовать правилам, установленным взрослыми, и то, усвоит ли он эти правила, зависит в большинстве случаев от самого ребенка.

Следствие своей, можно сказать, врожденной несамоостоятельности ребенок нуждается в безусловной материнской заботе, и ее любовь является гарантией (certificate) того, что его существование находится под защитой взрослых. Материнская любовь является первым доказательством (proof) права на жизнь и основанием для отсутствия страха гибели. Позднее это право будет подтверждено обществом или опротестовано: исключение человека из жизни общества и лишение его права на труд равноценно смертоносному посланию.

В течение первых лет жизни, обладая лишь немногими средствами и знаниями, которые нам дают родители, мы должны самостоятельно заложить основы своей эмоциональной жизни. Зачастую двигаясь в темноте, мы нередко отклоняемся от курса, и вся оставшаяся жизнь становится ни чем иным, как исправлением ошибок.

На протяжении жизни многое меняется, однако если нечто, что является наиболее существенным и важным для нашей личности, не успевает вовремя измениться, оно будет присутствовать в нас всю жизнь, определяя фундаментальные принципы нашего взаимодействия с миром. Задача взрослого — предоставить ребенку адекватные средства и оказать такую поддержку, чтобы он смог сам управлять своим внутренним миром.

В искусстве

«Как сердцу высказать себя,
Другому как понять тебя...»
[Ф.Тютчев***](X)

Метафора является той величественной силой, которая диктует сфере бессознательного свои законы. В искусстве индивидуальная точка зрения пользуется всей полнотой прав. Как и бессознательное, искусство является обителью переноса (замещения), и недаром литература почувствовала, что психоанализ посягает на территорию, по праву принадлежащую ей.

В свою очередь, З. Фрейд советовал всем, кто хотел изучать бессознательное, обратиться к богатейшему миру книжных знаний (Universitas Litterarum).

* § 15 в русском издании: Выготский Л.С. Собр. соч. Т. 2. М., 1982, с. 168.

** Нам не удалось осмысленно перевести следующие два предложения: Meanwhile in the Unconscious such a premise is only half completed, and there its particularities. In a hesitant recognition, the object fluctuates among the weight of its entity and that who is intrinsically determined by its relationship toward the desire.

*** Выготский цитирует эти строки в 7-й главе «Мышления и речи» без указания автора (т. 2, с. 256), но в примечании к данному тому ошибочно указан А. Фет. И здесь зарубежный автор оказался точнее отечественных изданий.

Благодаря своей способности передавать внутренний мир переживаний независимо от социальных ограничений, искусство является, главным образом, социально признанным средством выражения богатства внутреннего мира. Как писал Борхес, символы и многообразие их значений могут послужить оскорблением логике, но не сновидениям, в которых присутствует своя особенная, непостижимая алгебра, и в двусмысленном пространстве которых единица может одновременно быть множеством.

В историческом плане сказки, рассказы и легенды всегда были — и до сих пор являются — средствами, используемыми для формирования эмоционального мира детей. И хотя на протяжении истории человечества отношение к тому, следует ли затрагивать сферу осознания эмоций и переживаний детей, менялось, общество никогда не пренебрегало возможностью словесного формирования (устного или письменного) внутреннего мира детей. Согласно нашему пониманию, искусство в образовательной среде является порождающим источником инструментов для обогащения внутреннего мира и регулирования эмоциональной сферы детей.

Понятие бессознательного, и в частности феномен вытеснения, не являются категориями вне времени и контекста. Напротив, каждое общество самостоятельно выбирает то содержание, которое будет включено (или исключено) в коммуникативный контекст, формирующий сознание. И не случайно именно в викторианские времена, столь строгие и лицемерные в отношении нравов и сексуальности, З. Фрейд столкнулся с клиническими проявлениями, в которых сексуальная сфера выступала в качестве причины патологии.

Скрытый мир был освобожден искусством.

Примечания А. Гонзалеса

- (I) «Мышление и речь», глава 7 «Мысль и слово».
(II) Там же, параграф 5.
(III) Там же, параграф 5.
(IV) *Леонтьев А.Н.* Очерк развития психики, глава 2 (Возникновение сознания человека). См. также: «Деятельность. Сознание. Личность», глава 4 (Деятельность и сознание).
(V) Сравните эту цитату с цитатой из работы Л.С. Выготского*: «Во внутренней речи слово гораздо более нагружено смыслом, чем во внешней. Оно, как и название гоголевской поэмы, является концентрированным сгустком смысла. Для перевода этого значения на язык внешней речи пришлось бы развернуть в целую панораму слов влитые в одно слово смыслы. (...) Эти особенности смысловой стороны внутренней речи приводят к тому, что всеми наблюдателями отмечалось как непонятность эгоцентрической или внутренней речи» (Мышление и речь. Глава 7, § 5).
(VI) «Мышление и речь», глава 5, § 12.
(VII) *Milman Parry*. The Making of Homeric Verse: The collected Papers of Milman Parry. // Oxford, 1971.
(VIII) *Walter Ong*. Orality and Literacy: The Technologizing of the Word. L., N. Y., 1982.
(IX) Помимо этих общих правил, важным фактором формирования бессознательного служит язык, но обсуждение этой темы выходит за пределы цели данной работы. Заметим также, что во всех семьях существуют основные предпосылки, которые никогда эксплицитно не обсуждаются.
(X) Цитируется Выготским в 7-й главе «Мышление и речи»; поэт пишет о невозможности выразить словами всю мысль и мотивацию.

Freud In Vygotsky. Unconscious and Language

A. Gonzalez

Psychotherapist, professor at the National University of Buenos Aires, director of the Ateneo Vygotskiano de la Argentina, forensic psychologist at the Family Court of Lomas de Zamora, Buenos Aires.

This book tries to demonstrate that the principles of inner speech can explain the phenomenon of unconscious. Basing on the works of Vygotsky and Freud, the author proposes that both phenomena are involved in language, motivation and affective world. They represent the two facets of cognition. This enables us to use the socio-historical approach to the study of the unconscious. We also put forward a hypothesis on the functioning of meaning.

Key words: L.S. Vygotsky, S. Freud, A.N. Leontiev, inner speech, unconscious, sense, meaning.

* *Выготский Л.С.* Собр. соч. Т. 2. М., 1982. С. 350.